

Борис АКУНИН:

Нам с Эрастом Петровичем нужно отдохнуть друг от друга

Григорий Чхартишвили, заместитель главного редактора журнала «Иностранная литература», переводчик, стал знаменитым, опубликовав под псевдонимом Б. Акунин серию детективов с обаятельныйшим героем Эрастом Фандориным — умным и скромным красавцем с седыми висками. Романы Акунина полюбили не только читатели, но и критики — за дивный русский язык и литературную игру, которую он вел в своих книгах с поклонниками классической русской литературы.

— Григорий Шалвович, давайте говорить о литературе.

— А ни о чем другом я и не могу говорить.

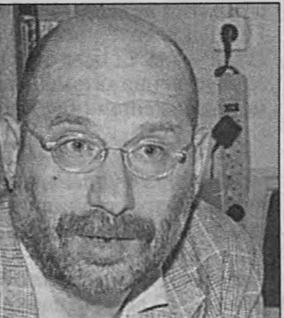
— Вы даете очень много интервью, но создается впечатление, что неохотно. Все они довольно вялые, без юмора — не чета вашим романам. Почему? Вы скрытый человек? Или вы устную речь любите меньше письменной?

— Если бы мои интервью читались лучше книжек, это было бы печально. А интервью я последние три-четыре месяца совсем не давал — писал новую книжку и не хотел отвлекаться. Кроме того, всю ин-

формацию, которую я хотел сообщить о себе, я уже сообщил — и даже многократно повторился.

— Тогда рассказывайте о новой книжке.

— Я написал первый роман из новой серии «Приключения мастера», которая будет выходить в издательстве «Нева». Первые две серии — про Эрата Фандорина и монахиню Пелагию — исторические, а эта про современность. И еще: я для себя определяю женскую серию как «литературную», фандоринскую как «полулитературную», а новую как «нелитературную». Теперь я буду чередовать романы из разных серий. Мне так интереснее работать, чтобы не на- доедала одна и та же манера. Новый роман — экшн, фабульная вещь, без литературных аллюзий. Трудная для меня задача — ведь прежде я все время прятался за чужой литературный стиль: то за Достоевского спрячусь, то за Лескова, а в новой серии никакой стилизации нет. Там я пишу так, как пишу я.

Виктор Аксельрод

(Окончание на 10-й стр.)

Журнал - 2000 - 1 авт - с 1, 10.

Борис АКУНИН:

Нам с Эрастом Петровичем нужно отдохнуть друг от друга

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— А как пишете вы? Так, как написана книга о самоубийствах?

— Да, и статьи, и эссе. Здесь уже ничьей шинелью не прикроешься. Когда пишешь о современности, понимаешь, что читатель не будет тебе верить на слово. Когда пишешь про происходящее сейчас, становишься довольно уязвимым. Отказаться от литературной игры для меня было непросто.

Все равно что фотографу, всю жизнь работавшему с цветным фото, переходить на черно-белую съемку.

— Вы меня озадачили: почему про Фандорина — полулитературная серия, про Пелагию — литературная, а новый роман — не литературная?

— Разумеется, все эти книжки принадлежат к жанру развлекательной беллетристики. Когда я говорю, что серия литературная, это всего лишь значит, что там текст важнее фабулы. В истории про Пелагию (по

моему замыслу; получилось или не получилось — другой разговор) главное удовольствие читатель должен получать от процесса чтения, а не от его результата. В серии о Фандорине — пополам. В новой книге вся нагрузка ложится на сюжет.

— Когда вы выпустили свои первые книжки, их сопровождал сквал восторженных рецензий, теперь начались упреки. Прежде всего в том, что сюжеты вы берете из других книг. Вот, например, у вас на полке стоит «Процесс Элизабет Кри» Акройда, похожий на вашего «Декоратора».

— То есть этот роман — про дружбу?

— И про предательство.

— Удивительно, что вы написали роман современности. Ваша Россия последней трети прошлого века была такая уютная, казалось, что вы в ней от нашего времени скрываетесь.

— Это не так. Я к современности не могу относиться плохо, потому что это мое время. Мне кажется, что такого хорошего времени, как сейчас, в истории России не было никогда. Хотя и понимаю, что многие считают иначе. Россия XIX века, которую я изображаю в своих детективах, — это страна,

безусловно, вымышленная, идеализированная. Вместе с тем это страна, обладавшая очень сильной харизмой. В ней было столько красивого, значительного, что этим материалом можно пользоваться еще очень долго.

— А вам не кажется, что русская классическая литература выжата до нитки? И в советские времена, и теперь, когда на ней спекулирует массовая культура — программа «Куклы», например?

— По-моему, это нормально и даже похвально, когда массовая культура перерабатывает и коммерциализует великое наследие. Мне кажется, что русская классическая литература, кроме всего прочего, еще и дает отличный материал для создания своего рода культурного эпоса и даже национальной идеи, о которой все так нынче пекутся. Национальная идея — это нечто, что объединяет все население страны (желательно во имя чего-то хорошего). В великой русской литературе есть

нравственный камертон, а это главное, что необходимо для национальной идеи. Если взять за национальную идею Пушкина, Толстого и Чехова, то это будет хорошая национальная идея, из которой со всей очевидностью ясно, как человеку можно поступать, а как нельзя; что в жизни главное, а что третьястенное.

На основе сюжетов и стилистики русской культуры XIX века можно развернуть немало увлекательных проектов. Например, в кино или на телевидении. Вот ОРТ будет экранизировать мой роман «Азазель»...

— И Фандорина будет играть Меньшиков?!

— Неплохо бы. Ну, на худой конец — Хью Грант. Режиссер уже есть, и очень хороший — Александр Аладашьян, а вот главный исполнитель еще не определился.

— Уж вы, пожалуйста, построже с выбором, не прогадайте!

— Я отношусь к этой затее очень ответственно. Сам напи-

сал сценарий, выговорил для фильма хорошие стартовые условия: большой бюджет, съемки на кинопленке и прочее.

— Но вдруг у вас сценарий не получится? Ведь это совсем другая работа, чем романы писать. Вы, как Булгаков, видите коробочку, в которой действуют персонажи?

— Я решил, что буду писать сценарий по-детски: представлять картинку, и если она мне интересна, значит, это нормальный эпизод, а если картинка получается неживая — вся или хотя бы частично, — значит, надо делать ее по-другому.

— Вы, наверное, трудоголик — работаете в журнале, пишете книги...

— Сочинение сказок — это не работа.

— Вы начали писать беллетристику довольно поздно...

— В сорок лет.

— А чем же раньше вы в это время занимались?

— Этот участок мозга, или этот сектор в центре удоволь-

ствия, был занят всякого рода играми. То я играл в карты, потом в компьютерные игры. Теперь я в компьютерные игры не играю — сочинять беллетристику занятней...

— В одном вашем интервью в женском журнале я прочла, что вы начали сочинять романы, чтобы развеселить свою жену. Получилось трогательно, как в шварцевской сказке.

— Да, детективы жене нравятся больше, чем прочие мои литературные занятия.

— Когда вы пишете, представляете ли себе читателя, ориентируетесь ли на него?

— Нет. Я пишу так, чтобы было интересно мне самому. Если бы такие книжки писал кто-то другой, я бы, наверное, брал их с собой в отпуск.

— А такой литературы кто-то другой не пишет?

— Чтобы я брал с собой в отпуск — пожалуй, нет. Но вообще-то наша литература на конец-то приходит в себя после десятилетнего шока. За последнее время я прочел не-

сколько очень хороших и просто хороших, да при этом еще и совершенно непохожих друг на друга романов. «Взятие Измаила» Михаила Шишкина — чтение тяжелое, но очищающее. Новый роман Татьяны Толстой «Кысь» — это, как говорится в рекламе, «наслаждение вкусом». «Идеальный роман» Макса Фрая — отличная стилистическая эквилибрисистика.

— А что же Эраст Фандорин? Будет ли про него новая книжка?

— Нам с Эрастом Петровичем нужно отдохнуть друг от друга. Я написал было про него еще один роман, но чего-то там не хватает. Не буду его печатать. Лучше возьму тайм-аут.

— Как! И не дали никому прочитать — может быть, все там хорошо?

— Нет, я сам лучше всех понимаю, когда не получилось.

— Дайте проверить!

— Нет.

Ольга КАБАНОВА